

О ЧЕМ ГОВОРИТ РЕЧЬ?

А.В.КАЗАНСКАЯ*

Грамматика и стилистика устной речи

Человек говорит. Помимо слов, говорит его взгляд, выражение лица, говорят его жесты, интонации. Выражение «говорит его речь» кажется тавтологией, которую хороший редактор должен исправить: речь идет, или человек ведет речь.

Однако речь не всегда только послушно вторит тому, что человек имеет намерение сказать. Речь – это сложный «бюрократический аппарат» со своими авторами, редакторами, цензорами, которыми нужно уметь управлять, чтобы скрывать свои мысли, как сказал Талейран, или выражать их. Речь говорит сама за себя, против себя или помимо самой себя. Хочет того человек или не хочет, замечает он это или нет, речь может выдавать его происхождение, эрудицию, эмоции и так далее.

Письменную речь человек контролирует гораздо больше, чем устную. Последняя часто стилистически не запланирована и грамматически небрежна. Например, она содержит много эллиптических конструкций, которые в таком объеме в письменном тексте недопустимы, так как стали бы препятствовать пониманию смысла. В устном общении «пробелы» заполняются не только внутренним, как в книге, но и внеречевым контекстом («Дай мне со стола»). Помня предыдущую фразу и видя, что лежит на столе, человек понимает обращенную к нему просьбу. Проговаривать весь текст полностью необязательно. Подобным образом ребенок догадывается о том, что говорят буквы, по картинке в книжке.

Грамматическое своеобразие устной речи не сводится только к нехватке некоторых частей предложения. Для нее характерны и другие синтаксические и морфологические ошибки. Но обычно мы слушаем, чтобы понимать смысл сказанного, и обращаем внимание на то, что

* *Казанская Анна Владимировна* – психолог, психотерапевт. Член Московского психоаналитического общества. Сотрудник Института психологического образования при Институте психологии РАН (лаборатория психологии речи).

устная речь построена неправильно, лишь тогда, когда становится непонятным или неправильным, с нашей точки зрения, смысл. Прежде всего привлекают внимание лексические или лексико-фонетические замены. Рассматривая их, Фрейд обнаружил конкурирующие, вытесненные смыслы, которые и заставляют нас *ошибиться* (З.Фрейд, 1990).

Внимательно слушая своих пациентов, я непроизвольно стала обращать внимание на то, что они временами делают ошибки, которые ни по своим формальным характеристикам, ни по психологическому содержанию не находят «готового» объяснения как выход наружу вытесненного содержания.

В поисках ответа на вопрос, как соотносятся такие ошибки с определенными моментами терапии и особенностями пациентов, я стала пытаться обдумать каждое грамматическое отклонение с формальной и содержательной стороны на фоне того речевого контекста, в котором оно возникло. В этой связи мог бы быть применен метод «симптом – контекст» Лестера Люборского (*Luborsky, 1970, 1974*), который автор предлагает в качестве «вклада в исследование «психопатологии повседневной терапии». Под симптомом в данном случае может пониматься, например, внезапное забывание, появление особых телесных ощущений, болей и т.п. Однако воспользоваться формализованным методом «симптом – контекст» в полной мере мешает отсутствие в настоящее время достаточного количества магнитофонных записей психотерапевтических сеансов на русском языке, которые позволили бы производить детальный анализ текста путем повторного прослушивания. Поэтому ниже я постараюсь очертить возможные направления такого анализа на отдельных примерах из собранных мною дословно записанных высказываний пациентов. Терапевтический контекст я буду описывать минимально. Иногда само значение слов или содержание фраз будет рассматриваться как общая характеристика контекста, в котором пациент строит соответствующую морфологическую и синтаксическую структуру.

В лингвистике выделяется пять основных компонентов грамматики: фонетика, морфология, лексика, синтаксис и семантика (*V.Fromkin, 1988*). Им соответствуют правила построения речи. Спонтанные ошибки могут затрагивать все эти компоненты, причем тоже подчиняются определенным правилам. Ошибки против правил делают только иностранцы или компьютеры, но они при этом следуют правилам своих языков. Это не парадокс – понятно, что в любой системе могут случаться поломки только определенного рода, в соответствии с устройством этой системы.

Так как пациенты в психоаналитической терапии обычно не страдают расстройствами речи как таковыми, оставим в стороне вопрос о допустимой «норме» грамматических ошибок и стилистических не-лестей в устной речи.

Из чего складывается впечатление?

Если ошибки, не препятствующие пониманию смысла, обычно ускользают от внимания, то формальные особенности стиля устной речи отметить еще труднее – в сознании остается, скорее, тот психологический смысл, который этим стилем передается. «Он говорит так, как будто говорит не о себе», – рассказывает психотерапевт о пациенте. Что стоит за этим впечатлением?

Проще всего предположить, что человек употребляет не то местоимение. Например, пьяный Атос (А.Дюма, «Три мушкетера») в конце рассказа о «своем друге» случайно роняет: «И тогда я повесил ее». Однако эта ошибка замечена собеседником и разоблачает вполне сознательную ложь.

Но если пациент не лжет и правильно использует местоимение «я», то в чем же дело? Может быть, речь его как-то окрашена стилистически или какие-то паравербальные параметры вызывают у терапевта это ощущение?

Она говорила «безо всякого различия в тоне о том, что с ней случается и о том, что делает она сама», – пишет Джон Кафка (*J.Kafka*, 1995) о пациентке «с выраженными нарциссическими чертами». Нечто подобное аналитик прослеживает и в содержании ее речи, характеризуя это как нечеткую дифференциацию между живым и неживым, или, пользуясь терминологией Сартра, действием и процессом. «В психоаналитическом лечении, – пишет Кафка, – темы недифференцированности живого и неживого у невротиков обычно выступают в связи с отдельными конфликтами, у пограничных и нарциссических пациентов затронуты более широкие области. В психопатологии психозов эти темы являются, по-видимому, центральными».

У одной из моих пациенток я уже при первой беседе отметила странную грамматическую ошибку: «Мама стала изучать нас русскому языку». (Русский язык был для пациентки родным, а ее мать была по профессии учительницей русского языка.)

Эта удивительная фраза сделала меня особенно внимательной к формальной стороне речи этой пациентки. И тем самым эта фраза оказалась точным предсказанием трансферентных отношений: я стала «изучать» пациентку вместо того, чтобы «учить» ее, помогать ей. И сама грамматическая ошибка, как черный юмор, передала и беспомощность матери, русскому языку ее так и не научившей, и мою собственную беспомощность: я не знала, как помочь этой пациентке, так как передо мной все более отчетливо стали выступать признаки психоза. Я могла только «изучать», как когда-то в психиатрической больнице, где мы, психологи, помогали врачам в постановке диагноза.

Я стала дословно записывать все замеченные мною речевые ошибки, которые не замедлили появиться, и увидела, что, несмотря на различия грамматической формы, в них есть нечто общее – путаница субъект-

объект или актив-пассив. Пациентка иногда оказывалась не в состоянии подобрать правильные слова для адекватного описания действительности. Кто что делает кому? Вот несколько примеров:

- *Когда надежда рухнула...*
- *Ситуация была для меня трудно терпящая.*
- *Мысли прыгают с одной на другую.*

Если интерпретация двух первых фраз в смысле путаницы актив-пассив очевидна, то последняя фраза, возможно, требует комментария. Исходя из грамматической структуры фразы, мысли (субъекты действия) являются объектами сами себе, т.е. сами с себя на себя прыгают, являясь в одно и то же время активными субъектами действия и его пассивными объектами.

Между тем, картина психотического расстройства становилась все более очевидной. Рассуждения пациентки развивались в русле бредовой логики, которую упрощенно можно передать так: человек сам виноват, если заболевает; значит, если он не захочет, то не заболеет, ...не постареет, ...не погибнет в опасности, ...не умрет.

Таким образом, если следовать этой логике, человек полностью подвластен сам себе, иными словами, субъект является сам себе объектом, или, пользуясь терминами Сартра, в мире бывают только действия, а не процессы.

Такое неразличение, недифференцированность субъекта и объекта имеет смысл интерпретировать как психотическую идентификацию – полное отождествление отдельного человека и мироустройства, которое на самом деле от него не зависит.

Лингвистические интерпретации: метафора и идентификация

Выражением идентификации и ее степени в языке служит ряд сравнение-подобие-метафора, например: «Я похожа на увядший цветок» – «Я, как увядший цветок» – «Я – увядший цветок» (*H.Thomae, H.Kaechele, 1988*). Психотик может придать последней фразе не метафорический, а буквальный смысл.

Вслед за Томэ и Кехеле уместно процитировать Вурмсера (*Wurmser, 1977*), писавшего, что «метафора ведет к бессознательному смыслу, подобно снам, ошибочным действиям или симптомам».

Если метафора – прямое выражение идентификации, то косвенным ее выражением может оказаться, по-видимому, грамматическая ошибка по типу недифференциации субъекта и объекта или субъекта и другого субъекта. Такая ошибка становится как бы преувеличенной, слишком буквально употребляемой метафорой, как у психотика.

В речи одной из невротических пациенток я обратила внимание на две грамматические ошибки, по форме абсолютно совпадающие с одной из вышеприведенных фраз – неправильное употребление возвратного глагола, путаница актив-пассив. «Я замолкаюсь». «Я заболеваюсь». Вначале мне не пришло в голову гипотетически связать их с темой идентификации, хотя по контексту высказываний они отсылали к поздней

оральной фазе (*A.Kazanskaia*, 1995), как раз тому периоду, в который, по Фрейдю, возникает механизм идентификации. Предположить, что этот механизм может лежать в основе неправильной речи и у этой пациентки, заставили меня еще несколько ошибок, явно относящихся к типу недифференцированности субъект-субъект, например: «Я бы хотела быть такими, как они (родители – *A.K.*), но это невозможно». Ошибка в грамматическом числе – слишком буквальная идентификация, возможно, отголосок эдипова конфликта.

Если ошибка в речи психотического пациента правильно передает строй его мыслей, его мироощущение, то ошибка невротика – это промах цензуры. С ума сошел не человек, «с ума сошла» его речь. Психопатология обыденной жизни – это сумасшествие речи, письма, действий в обыденной, т.е. «психически нормальной» жизни.

Иногда человек целенаправленно пользуется «сумасшедшими» глубинными смыслами. Тогда и он сам не теряет чувства реальности, и речь не сходит с ума. Намеренная оговорка – это каламбур, ассонанс, рифма. Это искусство, которое находит отклик в наших душах именно потому, что овладевает глубинными смыслами.

Для того, чтобы приблизиться к пониманию возможного психологического смысла некоторых устных высказываний с нарушением формальной грамматики, мне кажется полезным обратиться к литературным примерам и опереться не только на психоаналитические и лингвистические, но и на некоторые литературоведческие исследования.

Метафора, аллегория – это художественные приемы выражения идентификации. Прямая речь указывает на большую идентификацию, чем косвенная. Собственно говоря, если рассматривать только правильные грамматические конструкции, то самую большую степень идентификации выражает цитата. Я не только своими словами утверждаю, что я – цветок, но напрямую говорю словами цветка, человека, человечества, словами, которые одинаково созвучны и моей душе, и вашей.

Те, кто умел этими приемами пользоваться, уже сказали об этом лучше, чем те, кто их изучает:

*Не повторяй – душа твоя богата –
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама –
Одна великолепная цитата.*

*(А.Ахматова, «Тайны
ремесла», 1956)*

Но это лишь одна из тайн ремесла. Если попытаться прокомментировать ее скучной научной прозой, можно сказать, что искусство пользуется специальными средствами для «показа» такого важного психологического механизма, как идентификация. В спонтанной устной речи может находить отражение примитивная – преувеличенная – идентификация в виде грамматических «срывов». В психоанализе

примитивные формы идентификации описываются в рамках защитного механизма проективной идентификации, одной из характеристик которой является «тенденция продолжать ощущать импульс, который одновременно проецируется на другого человека» (O.Kernberg, 1989). К примеру, фраза: «Я хочу быть такими, как они, но это невозможно», – звучит как выражение интроективной идентификации с родителями, которую пациентка осознает как не согласующуюся с реальностью.

Искажения грамматики, фонетические и семантические «ляпсусы», приобретающие «случайное», неожиданное значение созвучия, литература превращает в художественный прием, в каламбур, рифму. В данном контексте, рассуждая так много об ошибках, трудно противостоять искушению сделать еще одну:

– и может быть, поэзия сама –
одна великолепная ошибка.

Не содержит ли эта оговорка более глубокий смысл, чем кажется на первый взгляд?

Лингвистические интерпретации: анаколүф и расщепление

Как правило, такого рода неслучайные обмолвки хорошо описываются моделью вытеснения и появления вновь конкурирующих смыслов, подобно фрейдовским опискам и оговоркам. Вытеснение лежит в основе защитных механизмов высокого уровня, в том числе и сублимации, которая, согласно Фрейдю, движет творчеством.

Бывает ли, что в литературном творчестве намеренно используются грамматические отклонения иного рода – такие, которые можно было бы гипотетически объяснить как отражение других, более примитивных защитных механизмов?

Для того, чтобы показать, каким образом аграмматизмы, встречающиеся в устной речи, могут «приобрести статус» художественного приема, и, наоборот, опираясь на разбор художественного приема, прояснить возможный скрытый смысл спонтанных аграмматизмов, я процитирую несколько дословно зафиксированных высказываний пациентов и параллельно им – выдержки из работы М.Л.Гаспарова «Поэма воздуха Марины Цветаевой: опыт интерпретации».

Вслед за этим я постараюсь гипотетически соотнести замеченные морфологические и синтаксические ошибки, сделанные пациентами, с современными лингвистическими исследованиями в области психоаналитической психотерапии, касающимися отражения примитивных защит в устной речи.

«Работа, которая проследила бы средства, применяемые Цветаевой... могла бы состоять из разделов: «Поэтика эллипса», «Поэтика парцелляции», «Поэтика анаколүфа»... (М.Л.Гаспаров, 1995).

Если нарушения правил синтаксиса можно в принципе использовать как поэтические средства, то они должны непременно иметь какой-то

психологический смысл.

Обратимся сначала к самому простому и наглядному примеру – сознательной лжи. «Она неожиданно прибежала, не ради изысканности речи, но, чтобы сгладить допущенные неловкости, к неправильным согласованиям слов в предложении, похожим на те, что лингвисты именуют не то анаколуфами, не то как-то еще. В разговоре о женщинах она начинала, не следя за собой: «Помню, недавно я...», затем после короткой паузы «я» превращалось в «она»... Я жаждал уловить ее настоящую мысль, ее подлинное воспоминание» (М.Пруст, «Пленница»). Если человек не лжет намеренно, если желание скрыть подлинное воспоминание не осознается, то это результат функционирования защитных механизмов.

Рассмотрим некоторые примеры высказываний пациентов по схеме, предлагаемой Гаспаровым. Прежде всего очевидно, что многие из этих примеров трудно однозначно отнести к тому или иному из вышеупомянутых разделов.

– *Она не доверила себя рядом со мной.*

– *Когда мы попадались с ней в квартире...*

С формальной точки зрения оба эти предложения можно рассматривать как эллиптические. Глаголы «доверять» и «попасться» требуют обязательного дополнения, отвечающего на вопрос «кому?». Здесь эти дополнения отсутствуют. Однако, если попробовать «исправить» ошибки, введя необходимые дополнения, фразы останутся все столь же странными по смыслу, например: «Когда мы попадались друг другу...». Правильнее было бы сказать: «Когда мы встречались с ней в квартире...» Для первого примера вообще трудно придумать ответ на вопрос «кому?», проще, изменить фразу, сказав: «Она не доверилась мне».

Следовательно, эти эллиптические конструкции можно рассматривать и как неправильное соединение разнородных частей, т.е. парцелляцию и анаколуф.

Подробный грамматический анализ этих и аналогичных конструкций позволяет выявить интересные детали. Сравним для примера два следующие варианта:

– *Она не доверилась мне.*

– *Она не доверила себя рядом со мной.*

Вместо дательного падежа (мне) ошибочно поставлен творительный (со мной), более периферический, который, как пишет Р.Якобсон (1985), выражает большую степень дистанцированности, что можно ощутить и интуитивно. Пациент говорит о себе (о человеке, которому можно или нельзя довериться), как о предмете, рядом с которым что-то происходит. Мы снова сталкиваемся с вышеописанной путаницей субъект-объект.

Чтобы сделать эту путаницу более наглядной, попробуем применить ее как «художественный прием» и поиграем смыслами, сконструировав новую ошибку:

– *Когда мы сталкивались с путаницей...*

– *Когда мы попадались с ней в квартире...*

– *Когда мы попадались путанице...*

Таким образом, мы как бы «оживили» путаницу грамматическими средствами. Напрашивается параллель с цитировавшейся выше работой Джона Кафки (*Kafka*, 1995).

А вот примеры более очевидных анаколуфов:

– *Мне было так красиво.*

– *Мне стало ее не так страшно.*

Обе фразы начинаются как описание субъективного ощущения. Естественно было бы продолжить их так:

– *Мне было так приятно.*

– *Мне стало не так страшно.*

А заканчиваются они как рассказ, в котором участвует объект:

– *Это было так красиво.*

– *Я ее стала не так бояться.*

Таким образом, субъективный взгляд «изнутри» и взгляд «со стороны» как бы сливаются в одно нереальное целое.

Интересно, что грамматическая классификация ошибок не всегда согласуется с гипотетической «психологической классификацией». Вот два примера неправильного грамматического числа:

– *Я бы хотела быть такими, как они, но это невозможно.*

– *Они [платья – А.К.] меня делают странные.*

Если в первом примере «речь говорит» о слишком буквальной, примитивной идентификации с родителями, возможно, перекликающейся и с эдиповым конфликтом, а пациент подчеркивает, что такого не бывает в реальности, то второй пример – это анаколуф, в котором субъект смешивается с неживым объектом, происходит склейка двух возможных фраз: «Они странные. Они делают меня странной».

Фраза «Мне стало ее не так страшно» может показаться конкретной иллюстрацией еще одной характеристики проективной идентификации, которую дает Кернберг (1989): «Боязнь другого человека, который воспринимается как несущий в себе проецируемый на него импульс или находящийся под влиянием этого импульса».

Описываемые данные хорошо согласуются с работой Ангелики Венцель (*A. Wenzel*, 1986), предложившей метод лингвистической оценки особенностей речи пациентов с выраженными нарциссическими и пограничными расстройствами.

Одной из отличительных черт этих личностных расстройств является функционирование психологических защит на более примитивном, архаичном уровне, чем при неврозах (*H. Kohut*, 1992; *O. Kernberg*, 1989, 1993).

«На пограничном и психотическом уровнях организации личности», – пишет Отто Кернберг (1989), – проявляются преимущественно

примитивные защиты, основанные на механизме расщепления».

Основываясь на клинических описаниях расщепления «переживающего и воспринимаемого субъекта» при пограничном синдроме, когда пациент «как бы наполовину находится снаружи себя самого и одновременно отрезан от самого себя как переживающего субъекта», Венцель предлагает лингвистическую характеристику речи таких пациентов. В частности, если любое повествование можно условно разделить на три уровня – отчет о переживаниях, комментарий к нему и толкование взаимосвязей, то для речи пациента с пограничным расстройством будут характерны слишком быстрые перескоки с одного уровня на другой. Вышеприведенные примеры анаколупов с субъект-объектной путаницей, смешением самоощущения и восприятия себя со стороны хорошо укладываются в такую модель.

Одним из показателей феномена расщепления А.Венцель считает характерную для подобных пациентов манеру говорить о своих чувствах и мыслях в безличной форме: «В голову приходит...», «Думается...» или отстранение: «По-видимому, я думаю...», «Кажется, я думаю...» Еще раз обратимся к выразительному описанию Дж.Кафкой пациентки, говорившей «как будто не о себе».

Собранный мною русскоязычный материал предоставляет много стилистически забавных примеров такого рода:

- *Ведется интенсивная внутренняя работа, происходит наращивание физического состояния.*
- *Были сексуальные попытки с его стороны, и шла ответная реакция с моей стороны.*

Пациентка говорит о себе, а создается впечатление, что она описывает функционирование какого-то внешнего, причем, скорее всего, неодушевленного объекта.

Объект, разломанный на части

Вернемся к тому осознанному смыслу, который художник придает своим конструкциям, повторяющим форму непреднамеренных ошибок. Гаспаров отмечает у Цветаевой «...использование двусмысленностей для создания добавочных планов значения...» Приведем лишь одну, но полную многих несовместимых значений, фразу пациента, записанную во время психотерапевтической беседы.

- *Она позволила себе принять заботы моего дома за свои.*

Что имеется в виду? «Позволила себе» – давно мечтала и, наконец, решилась? Или, наоборот, позволила себе нечто непозволительное?

«Принять за свои» – значит ли это ошибиться, обознаться? Или принять близко к сердцу?

Рассыпается на части смысл, и одновременно сведены воедино две, три, много точек зрения, которые в реальности совместно существовать не могут.

«Отчасти это напоминает (не совсем ожидаемо) технику раннего аналитического кубизма в живописи, когда объект разымался на элементы, которые перегруппировывались и обрастали сложной сетью орнаментальных отголосков» (Гаспаров, там же).

В XX веке поэзия стала «ошибаться» чаще. Однако живопись, кажется, в этом поэзию несколько опережает. Возможно, речь «разломать на части» труднее, чем предметы и тела – ведь живопись ломает не их самих, а всего лишь их изображения. Разрушить только изображение речи нельзя, при этом пришлось бы разломать саму речь, а это почти то же самое, что уничтожить, утратить смысл.

Р.Якобсон (1985а) цитирует Э.Сепира, который среди психологических факторов, затрудняющих анализ отношения «часть-целое» в языке, называет «ощущение неспособности или нежелание разбивать объект на более мелкие объекты».

Но нам понятно, для нас звучит осмысленно описание невозможной точки зрения – на себя со стороны, если это говорится о мастерстве художника. (Пожалуйста, обратите внимание на эллиптический характер первого предложения, а также на «нелепость» таких выражений, как «повернутый в профиль табурет» – позиция наполовину снаружи себя самого; «процедура небытия» – смешение живого и неживого и другие художественные подробности).

*Что в сущности и есть автопортрет.
Шаг в сторону от собственного тела,
повернутый к вам в профиль табурет,
взгляд издали на жизнь, что пролетела.
Вот это и зовется «мастерство»:
способность не страшиться процедуры
небытия как формы своего
отсутствия, списав его с натуры.*

*(И.Бродский, «На
выставке Карла Вейлинка»,
1984)*

* * *

Исследование спонтанных аграмматизмов в речи пациентов при свободном ассоциировании во время психотерапевтических сеансов представляется одним из возможных источников данных о бессознательных процессах. Косвенно свидетельствуя об уровне развития действующих защитных механизмов, эти данные могут использоваться в диагностических целях, а также как показатель успешности течения психотерапевтического процесса. Они могут представлять особый интерес и для психолингвистики.

* * *

Автор благодарит проф. Т.Н.Ушакову, Н.Д.Павлову, проф. Х.Кехеле, д-ра Л.Люборски за ценные советы и А.Ф.Ускова за предоставленный клинический материал.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова А.А. *Стихи и проза*. Л., 1977, с.498.
- Бродский И.А. *Бог сохраняет все*. М., 1992, с.161.
- Гаспаров М.Л. *Избранные статьи*. М., 1995, с.274.
- Пруст М. *Пленница*. Пер. Н.Любимова, М., 1992, с.155.
- Фрейд З. *Введение в психоанализ. Лекции*. М., Наука, 1990.
- Якобсон Р.О. *К общему учению о надежде*. «Избранные работы», М., 1985, с.133-174.
- Якобсон Р.О. *Часть и целое в языке*. «Избранные работы», М., 1985а, с.301-305.
- Kafka J.S. *Resistance, Regression and Change*, 1995.
- Kazanskaia A. *Some Remarks Concerning Unmistakenly Evaluated Mistakes*, 1995, (manuscript).
- Kernberg O. *Psychodynamic Psychotherapy of Borderline Patients*, 1989, p.6-7.
- Kohut H. *Analysis of the Self*, 1992.
- Luborsky L. *New Directions in Research of Neurotic and Psychosomatic Symptoms*, *American Scientist*, vol.58, N 6, 1970, p.661-668.
- Luborsky L., Mintz J. *What Sets Off Momentary Forgetting During a Psychoanalysis? Investigations of Symptom Onset Conditions*, «*Psychoanalysis and Contemporary Science*», vol.III, 1974, p.223-268.
- Thomae H., Kaechele H. *Psychoanalytic Practice*, 1992, vol.2, p.268-286.
- Wenzel A. *Gibt es sprachliche Besonderheiten bei Borderline-Stoerungen*, 1986 (manuscript).